

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛЕКСИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ТАКСОНОМИИ ЧЕРТ**

*Мишкевич Арина Михайловна, Щебетенко Сергей Александрович,
Калугин Алексей Юрьевич*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Традиционно для выявления структуры личности используется психолексический подход. Он предполагает, что все значимые индивидуальные различия должны быть отражены в языке и, следовательно, с помощью анализа языка они могут быть выявлены. В частности, на основании психолексического исследования английского языка была получена модель Большая Пятёрка. В данной статье обсуждаются некоторые аспекты организации психолексического исследования и возможные источники первоначального анализа языка: свободные самоописания, ежедневные разговоры, словари и т.д. Сделан вывод о преимуществе использования списков, составленных профессиональными лингвистами, — как правило, это словари. Рассмотрены части речи, которые можно взять за основу при анализе слов. Обычно исследователи сосредотачиваются на прилагательных, реже добавляют к списку существительные. Однако анализ литературы показывает необходимость использования всех возможных для подобного исследования частей речи. Акцентируются особенности немецкой и голландской методологий отбора слов. Сделан вывод о некотором преимуществе немецкой методологии. Наконец, приведены аргументы в пользу проведения психолексического исследования на русском языке и выявления русской таксономии черт личности. Предлагается примерный план такого исследования.

Ключевые слова: психолексический подход, черты личности, русская таксономия, организация исследования.

**ON THE ORGANIZATION OF A PSYCHO-LEXICAL STUDY
OF THE RUSSIAN PERSONALITY TRAIT TAXONOMY**

Arina M. Mishkevich, Sergei A. Shchebetenko, Alexey Yu. Kalugin

HSE University (Moscow)

According the psycho-lexical hypothesis, any substantial individual differences in human behavior, emotions, cognition and motivation are supposed to be reflected in the language, which means that by analyzing the language one will be able to identify these differences. Further, using the factor analysis of self-reported individual differences, it is possible to identify the structure of personality traits. For example, based on a psycho-lexical study of English descriptors, the Big Five has been articulated. Meanwhile, the Russian taxonomy of personality traits has remained understudied. In the present article, we discuss some aspects of the organization of a psycho-lexical study. First, we analyze possible sources for the initial analysis of a language: free self-descriptions, everyday talks, dictionaries, etc. A conclusion is made about the advantage of using lists, normally dictionaries, compiled by professional linguists. In our future study, we also plan to use a similar list, namely, a corpus of the Russian language. Second, possible parts of speech taken as a basis for the analysis of words are discussed. Usually researchers focus on adjectives, less often they add

nouns to the list. However, the analysis of scientific literature shows the need to use all possible parts of speech for such a study. In our research, we plan to use adjectives, nouns, adverbs, and verbs. Third, features of German and Dutch word selection methodologies are analyzed. We conclude that the German methodology may be preferable to the Dutch methodology in some aspects; therefore, we plan to employ the former in our study. Finally, the need for a psycho-lexical study in Russian and its blueprint are discussed.

Keywords: psycho-lexical approach, personality traits, Russian taxonomy, research organization.

Введение

На протяжении всей истории развития дифференциальной психологии вопрос о структуре личности остается ключевым и, надо сказать, одним из наиболее разработанных. Во многом его выражением стал так называемый психолексический подход. Его сторонники исходят из идеи, что все значимые в жизни человека индивидуальные различия отражаются в языке. На основе применения психолексического подхода на английском языке была получена пятифакторная структура личности (известная как «Большая Пятерка»), — пожалуй, одна из самых популярных моделей личности в психологических исследованиях на сегодняшний день. Насколько эта модель универсальна с кросс-культурной точки зрения? С одной стороны, пятифакторная структура была подтверждена более чем в 50 странах [McCrae R.R., Terracciano A., 2005; Schmitt D.P. et al., 2007]. С другой стороны, данные исследования основаны на так называемом etic-подходе, представляющем собой оценку определенной модели в новых культурных условиях. Это, конечно, не предрасполагает к поиску автохтонных моделей и в этом смысле заметно ограничивает учет культурных особенностей личности [Ash-ton M.C., Lee K., 2001; Heine S.J., Buchtel E.E., 2009; Triandis H.C., Suh E.M., 2002], если таковые имеются.

Существует два основных подхода к оценке кросс-культурной устойчивости структуры личности [Benet-Martinez V., Waller N.G., 1997; Cheung F.M. et al., 2011]. Как уже отмечалось, первый подход, etic, предполагает сравнение черт личности в разных культурах с использованием определенной, заранее установленной модели. Он поддерживает эквивалентность и тем самым облегчает кросс-культурный анализ целевого конструкта вроде структуры черт личности. Применение etic-подхода способствует международной популярности какой-

либо изначально региональной модели, такой как «Большая Пятерка». На российской выборке в рамках etic-подхода адаптирован ряд методик измерения пяти черт личности (напр.: [Князев Г.Г. и др., 2010; Осин Е.Н. и др., 2015; Хромов А.Б., 2000; Martin T.A. et al., 2002; Shchebetenko S.A. et al., 2020 и др.]); исследования с использованием этих методик подтверждают пятифакторную структуру.

Второй подход, emic [Cheung F.M. et al., 2011], предполагает изучение культурно-специфических вариаций целевого конструкта (напр., структуры черт) «без оглядки» на какие-либо априорные модели. Это позволяет изучать конструкт «от начала до конца» — по общепринятой схеме, но с уникальным, определенным данной средой содержанием. Глобальные модели появляются в emic-подходе на позднем этапе в качестве кросс-культурного синтеза, возникающего из сравнения множества региональных emic-структур.

Психолексический подход лежит в основе и etic-, и emic-подходов. С одной стороны, в рамках etic-исследований глобальные модели личности оказываются производными «словарных таксономий» какого-то определенного языка, обычно — английского. Однако параллельно этому психолексический подход поддерживает и emic-исследования, поскольку позволяет начать изучение черт «с чистого листа» в новой культуре и в новом языке. В результате возникают условия для эмпирического обнаружения «новых» черт личности, отсутствующих в глобальных моделях, что особенно ярко проявляется в азиатских [Katigbak M.S. et al., 2002; Yik M.S.M., Bond M.H., 1993] и африканских [Thalmayer A.G. et al., 2020] исследованиях.

На русском языке нам известна только одна попытка реализации emic-подхода — это работа А.Г. Шмелева с коллегами [Похилько В.И., Федотова Е.О., 1984; Шмелев А.Г. и др., 1991; Шмелев А.Г., Похилько В.И., 1985; Shme-lyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]. Однако данное

исследование имеет ряд ограничений и отличий от традиционного психолексического подхода, что значительно затрудняет кросс-культурный анализ полученной русской таксономии. Так, изначально Шмелев с коллегами опирались на методологию личностных конструкторов Дж. Келли, изучая скорее суждения о понятиях, чем суждения о людях и их поведении [Saucier G., Goldberg L.R., 2001]. Кроме того, оценки в данном исследовании были получены от профессиональных советских психологов, а не наивных носителей языка. Все это отличается от принятой методологии подобных исследований, что признается и самими авторами [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993, p. 3]. Таким образом, несмотря на важность и новаторство исследований Шмелева с коллегами, вопрос о русской таксономии черт остается малоизученным.

Психолексический подход

Психолексический подход основывается на предположении, что из языка могут быть выделены слова, описывающие индивидуальные различия, а затем с помощью факторного анализа идентифицированы черты [Goldberg L.R., 1982]. Это позволяет отойти от экспертных суждений о структуре индивидуальных различий и строить модели личности на основании эмпирических данных [Goldberg L.R., 1981]. Кроме того, поскольку организация подобных исследований имеет уже достаточно устоявшиеся традиции, есть возможность кросс-культурного сравнения полученных структур личности [Thalmayer A.G. et al., 2020].

Принято считать, что современный этап начинается с немецких исследований Клагеса [Klages L., 1929] и Баумгартен [Baumgarten F., 1933], которые далее получили развитие в американских работах Олпорта и Одберта [Allport G.W., Odbert H.S., 1936] и Кеттелла [Cattell R.B., 1943]. С тех пор психолексический подход был применен более чем к 30 языкам (см.: [De Raad B. et al., 2010; De Raad B., Mlačić B., 2017]).

Психолексическое исследование традиционно включает в себя четыре основных шага [Thalmayer A.G. et al., 2020]:

1. Извлечение из языка всех слов, описывающих индивидуальные различия (дескрипторов).

2. Сокращение полученного списка до приемлемого количества путем удаления синонимов, а также редко используемых слов.
3. Предъявление полученного списка носителям языка для оценки по ним себя или знакомого.
4. Факторный анализ полученных самооценок либо оценок другого для того, чтобы определить структуру индивидуальных различий (какие характеристики меняются совместно, образуя факторы более высокого порядка).

Источники слов

Прежде чем приступить к изучению таксономии на определенном языке, исследователю необходимо решить ряд частных, но важных вопросов: 1) откуда будут извлекаться слова, описывающие индивидуальные различия, т.е. какой источник языка будет взят за основу — словарь, самоописания, корпус языка и т.д.; 2) какие именно слова будут извлекаться, какой части речи; 3) каковы критерии извлечения слов, т.е. на каком основании будут отбираться одни слова и исключаться другие.

Существуют разные источники для получения изначального списка дескрипторов. Один из них — извлечение слов из повседневной коммуникации людей либо использование свободных самоописаний. В таком случае мы имеем доступ к «живому» повседневному языку. С другой стороны, мы оказываемся ограничены опытом, словарным запасом, особенностями культуры данной конкретной выборки. Некоторые слова используются только в определенных контекстах, слова могут быть частью региональной лексики, принадлежать определенному жаргону, поколению [De Raad B., Mlačić B., 2017]. Исследователь также ограничен активным словарным запасом респондентов, не имея доступа к пассивному.

По этой причине в психолексических исследованиях обычно используют письменные источники, чаще всего словари. У словарей есть одно важное преимущество: они составляются профессиональными лингвистами и охватывают популяцию слов во всем ее многообразии [De Raad B., Barelids D.P.H., 2008, p. 348]. Встречаются и другие источники, например, в исследовании таксономии в рамках языка хин-

ди кроме словарей использовали пять романов, написанных в XX в. [Singh J.K. et al., 2013]. Однако «словарный» метод не лишен недостатков. Например, любой, даже самый современный словарь все же не успевает за развитием и изменением языка.

Еще одним важным вопросом является размер изначального списка слов, необходимый для получения полной таксономии личности. В основном исследователи стараются брать большие словари; но не будет ли таксономия неполной, если взять сокращенный вариант словаря? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку психолексические исследования сложны в своей организации и проведении, а значит, их не так много. Еще меньше исследований на одном и том же языке, которые позволили бы сравнить эффективность отдельных аспектов процедуры (например, влияние размера изначального списка слов на результат).

Одними из немногих подобных примеров являются исследования, проведенные на итальянском языке примерно в одно время двумя разными исследовательскими группами и содержащими некоторые процедурные различия [Caprara G.V., Perugini M., 1994; Di Blas L., Forzi M., 1998]. В частности, в исследовании Ди Блас и Форци [Di Blas L., Forzi M., 1998] был использован несокращенный словарь итальянского языка, включающий 127 000 записей, а Капрара и Перуджини [Caprara G.V., Perugini M., 1994] использовали сокращенный словарь, включающий 40 000 записей. Несмотря на разницу в словарях, полученные списки слов, относящихся к личности, оказались похожими (подробнее сравнение исследований см.: [De Raad B. et al., 1998]). Таким образом, результаты итальянских исследований указывают на возможность использования сокращенного словаря, а также на то, что размер изначального списка слов не так важен. Однако стоит отметить, что это всего один случай и сложно делать на его основе однозначные выводы об универсальной применимости такого подхода.

Части речи

Следующий важный вопрос: какие именно части речи будут использованы в исследовании? Логичным видится использование *прилагательных*, поскольку их роль в языке заключает-

ся в описании каких-либо признаков [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; De Raad B., Mlačić B., 2017]. Действительно, использование прилагательных доминирует в психолексических исследованиях [De Raad B., Mlačić B., 2017]. Но использование только прилагательных может исказить реальную картину индивидуальных различий, поскольку разные части речи могут передавать различное психологическое содержание, варьирующее от статичных, подходящих для черт прилагательных до подвижных, транзитивных глаголов, передающих текущее поведение [De Raad B., 1992; De Raad B. et al., 1988].

Пожалуй, следующей по популярности частью речи в психолексических исследованиях являются *существительные*. Одним из первых ученых, изучавшим потенциал существительных в психолексических исследованиях, был Голдберг [Goldberg L.R., 1982]. Он пришел к выводу, что существительные, по сравнению с прилагательными, несут больше негативных смыслов и зачастую являются более разговорными, жаргонными. В то же время не во всех существительных оценочный компонент преобладает над описательным, поэтому существительные вполне подходят для изучения индивидуальных различий [De Raad B., Hoskens M., 1990]. Показано, что включение существительных в список слов меняет получаемую структуру индивидуальных различий [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; De Raad B., Hoskens M., 1990; Saucier G., 2003]. А. Английтнер с коллегами [Angleitner A. et al., 1990] предлагают различать существительные-типы (например, «агрессор») и существительные-атрибуты (например, «агрессия»). Последние зачастую обладают меньшей оценочностью. Кроме этого, разные типы существительных образуют разные черты. Например, эмоциональная стабильность не проявляется в существительных-типах, но присутствует в существительных-атрибутах [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015].

Наречия также могут использоваться для описания человека [De Raad B., Mlačić B., 2017]. Однако эта часть речи применяется в исследованиях существенно реже, чем прилагательные и существительные.

Самая редко используемая часть речи — *глаголы*. Они выпадают из поля зрения ученых, поскольку относятся к явлениям временного

характера, а черты трактуются как постоянные, повторяющиеся явления [De Raad B., 2000]. Однако даже при такой специфике глаголы могут быть важны для описания личности. Так, в своей классической иерархической структуре личности Айзенк [Eysenck H.J., 1947] предполагает, что в основе черт как статистических абстракций лежат конкретные поведенческие реакции. Этот тезис не оспаривается в современных структурных моделях (напр.: [Cramer A.O.J. et al., 2012; DeYoung C.G., 2015; Fleeson W., Jayawickreme E., 2015]). Действительно, привлекательность прилагательных [Goldberg L.R., 1990] объясняется тем, что они передают повторяемость поведения и в этом смысле статичность личностных структур. Поэтому прилагательные подходят на роль эмпирического материала для изучения верхних слоев иерархии личности. С другой стороны, глаголы вполне могут передавать специфику нижележащих слоев черт, относящихся к флюидным, конкретным реакциям. Глаголы в наименьшей степени содержат оценку, негативный смысл [Barelds D.P.H., De Raad B., 2015; Bolinger D., 1980]. Более того, структура индивидуальных различий при использовании только глаголов, похоже, значительно отличается от структуры, полученной на существительных и прилагательных. Так, Б. Де Раад на голландском языке получил двухфакторную структуру личности при использовании только глаголов: были выделены факторы эмоциональной стабильности и доброжелательности [De Raad B., 1992].

При очевидной пользе от включения в исследование глаголов ученые все же делают это нечасто. Вероятно, это связано еще и со сложностью отбора подходящих слов ввиду описанной выше транзитивной природы глаголов. Есть несколько способов отбора глаголов. Во-первых, это критерий частоты [De Raad B. et al., 1988]. В этом плане Де Раад с коллегами предлагают отбирать глаголы, используя следующую фразу: «Если кто-то [глагол] чаще других, то это поведение демонстрирует его личность».

Во-вторых, Г.Р. Семин и К. Фидлер [Semin G.R., Fiedler K., 1988] предложили классификацию, согласно которой глаголы сортируются по трем категориям: описание действий (нейтральные глаголы, содержащие конкретное описание действий с четким началом и концом.

Например, «целоваться», «звонить»), интерпретация действий (описание поведения с положительными и отрицательными коннотациями. Например, «помогать», «обманывать») и глаголы состояний (ментальные или эмоциональные состояния, где нет четкого начала и конца, обычно абстрактные утверждения, которые нельзя проверить. Например, «любить», «ненавидеть», «доверять»). В итоговый список попадают глаголы только из двух последних категорий. Два рассмотренных критерия могут сочетаться. Например, в исследовании чешской таксономии [Hřebíčková M., 2007] использовался сначала критерий Де Раада, потом категории Семина и Фидлера.

Таким образом, показано, что разные части речи выполняют разные роли при описании человека. Использование разных категорий при отборе слов приводит к разному результату. Соответственно, сочетание слов различных частей речи в одном исследовании позволит получить более полную таксономию черт, а исключение каких-либо категорий слов скорее всего приведет к выпадению отдельных элементов, черт.

Немецкая и голландская методологии

В рамках психолексического подхода традиционно применяется один из двух вариантов отбора дескрипторов, условно называемых «голландским» [Brokken F.B., 1978; De Raad B. et al., 1998] и «немецким» [Angleitner A. et al., 1990].

Голландский вариант состоит из двух этапов [Brokken F.B., 1978]. На первом этапе производится отбор из словаря всех прилагательных, которые можно отнести к человеку, за исключением слов, не подходящих под категорию «устойчивый признак». На втором этапе из оставшихся слов осуществляется отбор по двум критериям: «критерий природы» и «критерий личности». По первому критерию прилагательное подходит в том случае, если его можно вставить в предложение: «Этот человек [прилагательное] по своей природе». Второй критерий предполагает, что прилагательное может быть ответом на вопрос: «Мистер X, что он за человек?» [Brokken F.B., 1978].

Позднее голландская методология была дополнена анализом слов других частей речи. Глаголы, как описано выше, предлагалось от-

бирать, учитывая частоту [De Raad B. et al., 1988]. Критерием для отбора существительных является возможность описать, типологизировать, охарактеризовать и т.п. человека с помощью этого слова [De Raad B., Hoskens M., 1990].

В рамках немецкой методологии отбора слов разработана четкая и подробная схема [Angleitner A. et al., 1990]. Первый этап схож с голландским подходом: из списка слов (чаще всего словаря) отбираются те, с помощью которых можно описать человека либо отличить поведение одного человека от поведения другого. Для этого также предлагается использовать стандартные фразы (например, для существительных-типов: «Можем ли мы назвать его/ее [существительное]»? (например, «агрессором») и т.д.). В более поздних исследованиях [Church A.T. et al., 1996; Gorbaniuk O. et al., 2011; Hřebíčková M., 2007] на этом этапе отбора предлагалось также исключать слова (1) связанные с политическим, философским или литературным контекстом и связанные с искусством или религиозным контекстом; (2) описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; (3) определяемые как разговорные или вульгарные; (4) архаичные.

Второй этап предполагает классификацию оставшихся слов по 5 категориям, 13 подкатегориям [Angleitner A. et al., 1990]:

(1) диспозиции: (1а) темперамент и характер; (1б) способности и таланты;

(2) временные состояния: (2а) состояния (эмоции, настроения и когниции (познавательные процессы)); (2б) физические и телесные состояния; (2в) наблюдаемая активность;

(3) социальные и репутационные аспекты: (3а) роли и взаимоотношения; (3б) социальные эффекты; (3в) чистые оценки; (3г) установки и мировоззрения;

(4) наружные характеристики и внешний вид: (4а) анатомия и телосложение; (4б) внешний вид, образ, манеры;

(5) термины ограниченной полезности: (5а) термины, зависящие от конкретного контекста, или технические термины; (5б) метафорические, расплывчатые, устаревшие слова.

В итоговый список попадают только слова из первой категории.

Изначально немецкая методология предполагала отбор прилагательных, существительных-типов и существительных-атрибутов. Глаголы в рамках известных нам исследований были отобраны только на польском [Gorbaniuk O. et al., 2019] и чешском [Hřebíčková M., 2007] языках. Стоит, однако, отметить, что ученые, использующие голландскую методологию, также редко берут глаголы для анализа (см., напр.: [De Raad B., 1992; De Raad B., Barelds D.P.H., 2008]).

Основное различие между двумя методологиями состоит в использованных критериях для отбора. В частности, немецкая методология предполагает исключение оценочных признаков (подробнее см.: [Shala R.A. et al., 2020]). В то же время, как подчеркивают Шала с соавт. [Shala R.A. et al., 2020, p. 2], именно учет оценочных слов привел к идентификации «Большой Семерки» на иврите [Almagor M. et al., 1995] и отчасти на испанском языке [Benet-Martínez V., Waller N.G., 1997]. Модель «Большой Семерки» включает два дополнительных фактора: «положительная валентность» и «отрицательная валентность». В защиту немецкой методологии следует сказать, что в большинстве исследований оценочные слова полностью не исключаются, поскольку при классификации слов возможно их отнесение одновременно к нескольким категориям. То есть исключаются только те оценочные слова, которые не содержат описания темперамента и характера (например, слова «злой» и «нечестный», скорее всего, сохраняются, а вот слова «молодец» и «мерзкий», вероятнее всего, будут исключены).

Как показало сравнение немецкого и голландского подходов на итальянском языке, они оба, несмотря на различия в процедуре, в итоге дают достаточно схожую структуру черт [Di Blas L., Forzi M., 1998]. Большинство современных лексических исследований выполнены на основе немецкой методологии (подробнее см.: [De Raad B., Mlačić B., 2017]).

Русская таксономия черт личности

Как упоминалось во введении, одной из немногих попыток применения епис-подхода на русском языке было исследование А.Г. Шмелева с коллегами. В течение 1980-х гг.

авторы осуществили две волны сбора данных, в ходе которых было получено более 1500 дескрипторов. К началу 1990-х гг. этот список преодолел рубеж в 2000 терминов, из которых 68% составляли прилагательные и 32% — существительные [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993].

Следует отметить, что исследование Шмелева с коллегами имеет ряд существенных ограничений. Как признают сами авторы [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993, p. 3], вследствие ограниченного доступа к зарубежной литературе в начале 1980-х гг. ученые не могли спланировать свое исследование в соответствии с принятой методологией создания таксономии черт и ориентировались вместо этого на психосемантическую традицию Осгуда и методологию личностных конструкторов Келли. В этом смысле русская таксономия была изучена в терминах интернальной (сходство в значениях слов), но не экстернальной (оценка людей [Wiggins J.S., 1968]) структуры личности. То есть полученная структура основана не на самооценках или экспертных оценках людей, а на основе оценки экспертами семантического сходства слов [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993].

В целом проект Шмелева встроен в традицию таксономии черт личности *post hoc*. Это порождает системные трудности в применении данных Шмелева с коллегами при оценке русской таксономии и осуществлении кросс-культурного анализа, что отмечается в литературе [De Raad B. et al., 2010; Saucier G., Goldberg L.R., 2001]. Резюмируя сказанное, подчеркнем, что специфика российской структуры черт личности остается малоизученной, а роль описателей черт, относящихся к разным частям речи, в единой иерархии черты не изучалась вовсе.

На основе всего вышеизложенного можно предложить следующий дизайн исследования русской таксономии черт личности.

В качестве словаря для отбора описателей черт могут быть использованы корпуса русского языка (Open Corpora, Национальный корпус русского языка, The Google Books Ngram Viewer и т.п.) либо Большой академический словарь русского языка (на сегодняшний день вышли не все тома нового издания).

Исследования показывают, что разные части речи могут выполнять разную функцию при описании индивидуальных различий, а некоторые факторы можно обнаружить только на определенных категориях слов. Поэтому отбирать для словаря личности следует все возможные части речи — прилагательные, существительные, наречия и глаголы.

Для самой процедуры отбора предпочтительно применять немецкую методологию с элементами голландской (например, отбор глаголов с использованием критерия частоты). Такое исследование могло бы включать в себя следующие этапы:

1. Подготовка слов для анализа экспертами.
    - a. Выделение существительных, прилагательных, наречий, глаголов; приведение к единому формату: единый род, число, падеж; удаление повторяющихся слов; удаление имени, фамилии, отчества; удаление географических топонимов; удаление аббревиатур, названий организаций и торговых марок; удаление устаревших и вульгарных слов; составление словаря для дальнейшего анализа.
    - b. Составление инструкции для оценки слов.
  2. Отбор слов, подходящих для описания личности.
    - a. Отбор из корпуса слов, описывающих человека, либо слов, с помощью которых можно отличить поведение одного человека от поведения другого человека.
    - b. Классификация оставшегося списка слов по пяти категориям: (1) связанные с политическим, философским или литературным контентом и связанные с искусством или религиозным контентом; (2) описывающие национальный статус, географическое происхождение или профессию; (3) определяемые как разговорные или вульгарные; (4) архаичные слова; (5) другие слова, с помощью которых можно описать человека, либо другие слова, с помощью которых можно отличить поведение одного человека от поведения другого человека.
- Поскольку первые четыре категории определяют содержание, иррелевантное личности, для дальнейшего анализа мо-

гут быть взяты только слова из пятой категории.

- c. Классификация оставшихся слов по 5 категориям, 13 подкатегориям [Angleitner A. et al., 1990]: (1) диспозиции; (2) временные состояния; (3) социальные и репутационные аспекты; (4) наружные характеристики и внешний вид; (5) термины ограниченной полезности. Для дальнейшего анализа следует оставить только слова, которые большинство экспертов отнесли к первой категории (прототипичные для данной категории слова (подробнее см.: [Angleitner A. et al., 1990])).
- d. Удаление из полученного списка слов женского и среднего рода при наличии аналогичного слова мужского рода¹; удаление разных форм одного слова (однокоренных слов) при схожем/одинаковом смысле; удаление синонимов.
- e. Исключение из полученного списка малоинформативных и редко используемых для описания человека слов.

3. Сбор данных: предъявление респондентам (минимум 500 человек) полученного списка слов для оценки себя или другого человека, а также одной или нескольких русскоязычных версий опросника «Большой Пятерки» (напр.: [Shchebetenko S.A. et al., 2020; Калугин А.Ю. и др., 2021] и опросника HEXACO [Lee K., Ashton M.C., 2004; Егорова М.С. и др., 2019]).

4. Статистический анализ и интерпретация полученных данных: выделение таксономии черт личности на русском языке.

Заключение

Стабильная и воспроизводимая структура личности является фундаментальной целью исследований в персонологии. В рамках диспозиционного подхода для решения этого вопроса традиционно используют психолексический подход, лежащий в основе теории черт.

Суть этого подхода заключается в следующем. Теория черт исходит из допущения, что поведение человека в целом согласованно и

прогнозируемо. Это, в частности, означает, что отдельные действия человека могут быть предсказаны, исходя из его же действий ранее в схожих ситуациях. Такая согласованность порождает «склонности в поведении и образе мыслей», которые принято называть «чертами». Поскольку язык формулирует также обобщенные суждения, лексический подход предполагает, что любые сколь-нибудь существенные «склонности в поведении и образе мыслей» находят отражение в языковых конструкциях, таких как прилагательные, наречия и др. На этом предположении основана лексическая гипотеза личности, в соответствии с которой все индивидуальные различия отражены в языке; следовательно, с помощью анализа языка можно определить структуру черт личности.

Использование психолексического подхода в английском языке привело к появлению модели «Большая Пятерка» черт, нашедшей широкое применение в современной психологии личности. Согласно этой модели личность состоит из пяти черт: экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту.

Активное применение etic-подхода и влияние англоязычной психологии привело к обнаружению «Большой Пятерки» в других языках, включая русский [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]. Это, однако, вступает в противоречие с полуживым признанием неких иных, кросс-культурно более адекватных, решений [Lee K., Ashton M.C., 2004; De Raad B. et al., 2010], которые, в свою очередь, отличны друг от друга. Все это скорее говорит о кросс-культурной вариативности личностных черт.

В российских исследованиях черт также доминирует etic-подход: используется пятифакторная или шестифакторная модели в том виде, в котором они разработаны для английского языка, а также инструменты, созданные для ее измерения. Исследователи выбирают пятифакторную модель, с одной стороны, ориентируясь на достаточную разработанность данной модели, а с другой — из-за отсутствия соответствующего русской культуре аналога.

Альтернативный emic-подход, предполагающий изучение социального объекта с позиции конкретной культуры, в отношении черт личности в современной России практически не

¹ Мужской род в современном русском языке продолжает использоваться в качестве «рода по умолчанию», т.е. для описания объектов без их половой спецификации.

применялся (в качестве исключения см.: [Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I., 1993]). В представленной статье были рассмотрены отдельные вопросы организации подобных исследований.

В психолексических исследованиях обычно используют словари как источники языка, поскольку они составлены профессиональными лингвистами и охватывают язык во всем его многообразии. Однако словари обладают некоторыми недостатками. Например, они могут не успевать за развитием языка; в этом случае можно прибегнуть к использованию корпуса русского языка — динамичного, постоянно пополняемого списка слов.

Кроме этого, в психолексических исследованиях традиционно востребованы прилагательные как основа для анализа с периодическим добавлением к ним существительных. При этом анализ исследований с подбором разных частей речи показывает их специфичную роль в описании индивидуальных различий. При анализе различных категорий слов проявляются разные акценты в структуре личности, поэтому рекомендуем использовать все доступные для анализа части речи, а именно прилагательные, существительные, наречия и глаголы.

В международной практике доминируют две методологии отбора слов — немецкая и голландская. Обе методологии дают схожий результат. Для работы по созданию русской таксономии черт личности предлагаем использовать немецкую методологию (с небольшой модификацией), которая применялась при анализе индивидуальных различий в разных языках, в том числе славянских: чешском, польском и украинском.

Выражение признательности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-18-00127.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the RSF, project No 21-18-00127.

Список литературы

Егорова М.С., Паришкова О.В., Митина О.В. Структура российского варианта шестифакторного личностного опросника HEXACO-PI-R // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 33–48.

Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Д., Джон О. Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory–2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 1. С. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров А.В. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой пятерки”» // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 5. С. 100–110.

Осин Е.Н., Рассказова Е.И., Неякина Ю.Ю., Дорфман Л.Я., Александрова Л.А. Операционализация пятифакторной модели личностных черт на российской выборке // Психологическая диагностика. 2015. № 3. С. 80–104.

Похилько В.И., Федотова Е.О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.

Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во КГУ, 2000. 23 с.

Шмелев А.Г., Похилько В.И. Экспериментальный подход к построению базисного семантического словаря черт личности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1985. № 3. С. 3–10.

Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 2. С. 27–41.

Allport G.W., Odbert H.S. Trait-names: A psycholexical study // Psychological Monographs / ed. by J. Peterson. Princeton, NJ: Psychological Review Publications, 1936. Vol. 47, no. 1. 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093360>

Almagor M., Tellegen A., Waller N.G. The Big Seven model: A cross-cultural replication and further exploration of the basic dimensions of natural language trait descriptors // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, iss. 2. P. 300–307. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.2.300>

Angleitner A., Ostendorf F., John O.P. Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study // European Journal of Personality. 1990. Vol. 4, iss. 2. P. 89–118. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040204>

Ashton M.C., Lee K. A theoretical basis for the major dimensions of personality // European Journal of Personality. 2001. Vol. 15, iss. 5. P. 327–353. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.417>

Barelds D.P.H., De Raad B. The role of word-categories in trait-taxonomy: evidence from the Dutch personality taxonomy // *International Journal of Personality Psychology*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 15–25.

Baumgarten F. Die Charaktereigenschaften // Beiträge zur Charakter-und Persönlichkeitsforschung. Heft 1. Bern, CH: A. Francke, 1933. 81 S.

Benet-Martínez V., Waller N.G. Further evidence for the cross-cultural generality of the Big Seven factor model: Indigenous and imported Spanish personality constructs // *Journal of Personality*. 1997. Vol. 65, iss. 3. P. 567–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00327.x>

Bolinger D. The loaded weapon: The use and abuse of language today. L.; N.Y.: Longman, 1980. 224 p.

Brokken F.B. The language of personality (Unpublished doctoral dissertation). Groningen, ND: University of Groningen, 1978.

Caprara G.V., Perugini M. Personality described by adjectives: The generalizability of the Big Five to the Italian lexical context // *European Journal of Personality*. 1994. Vol. 8, iss. 5. P. 357–369. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410080502>

Cattell R.B. The description of personality: Basic traits resolved into clusters // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1943. Vol. 38, iss. 4. P. 476–506. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054116>

Cheung F.M., van de Vijver F.J.R., Leong F.T.L. Toward a new approach to the study of personality in culture // *American Psychologist*. 2011. Vol. 66, iss. 7. P. 593–603. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022389>

Church A.T., Katigbak M.S., Reyes J.A.S. Toward a taxonomy of trait adjectives in Filipino: Comparing personality lexicons across cultures // *European Journal of Personality*. 1996. Vol. 10, iss. 1. P. 3–24. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199603\)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199603)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m)

Cramer A.O.J., van der Sluis S., Noordhof A., Wichers M. et al. Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people // *European Journal of Personality*. 2012. Vol. 26, iss. 4. P. 414–431. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>

De Raad B. The Big Five personality factors: The psycholexical approach to personality. Göttingen, DE: Hogrefe & Huber Publishers, 2000. 128 S.

De Raad B. The replicability of the Big Five personality dimensions in three word-classes of the Dutch language // *European Journal of Personality*. 1992. Vol. 6, iss. 1. P. 15–29. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410060103>

De Raad B., Barelds D.P.H. A new taxonomy of Dutch personality traits based on a comprehensive and unrestricted list of descriptors // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 94, iss. 2. P. 347–364. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.347>

De Raad B., Barelds D.P.H., Levert E., Ostendorf F. et al. Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, iss. 1. P. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017184>

De Raad B., Di Blas L., Perugini M. Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages // *European Journal of Personality*. 1998. Vol. 12, iss. 1. P. 19–41. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199801/02\)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199801/02)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y)

De Raad B., Hoskens M. Personality-descriptive nouns // *European Journal of Personality*. 1990. Vol. 4, iss. 2. P. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040206>

De Raad B., Mlačić B. The lexical foundation of the Big Five factor model // *The Oxford handbook of the five factor model* / ed. by T.A. Widiger. N.Y.: Oxford University Press, 2017. P. 191–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12>

De Raad B., Mulder E., Kloosterman K., Hofstee W.K. Personality-descriptive verbs // *European Journal of Personality*. 1988. Vol. 2, iss. 2. P. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410020204>

DeYoung C.G. Cybernetic big five theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 33–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004>

Di Blas L., Forzi M. An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language // *European Journal of Personality*. 1998. Vol. 12, iss. 2. P. 75–101. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)

Eysenck H.J. Dimensions of Personality. N.Y.: Praeger, 1947. 308 p.

Fleeson W., Jayawickreme E. Whole trait theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009>

Goldberg L.R. An alternative «description of personality»: the Big Five factor structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59, iss. 6. P. 1216–1229. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>

Goldberg L.R. From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality // *Advances in Personality Assessment*. Vol. 1 / ed. by C.D. Spielberger, J.N. Butcher. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982. P. 203–234.

Goldberg L.R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // *Review of Personality and Social Psychology*. Vol. 2 / ed. by L. Wheeler. Beverly Hills, CA: Sage, 1981. P. 141–165.

Gorbaniuk O., Czarnecka E., Chmurzyńska M. Taxonomy of person-descriptive terms in Polish: A psycho-lexical study // *Current Problems of Psychiatry*. 2011. Vol. 12, iss. 1. P. 100–106.

Gorbaniuk O., Korczak A., Toruj N., Czarnejko A. et al. Comprehensive psycholexical classification of Polish person-descriptive terms // *Current Issues in Personality Psychology*. 2019. Vol. 7, iss. 2. P. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.5114/cipp.2019.82792>

Heine S.J., Buchtel E.E. Personality: The universal and the culturally specific // *Annual Review of Psychology*. 2009. Vol. 60. P. 369–394. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163655>

Hřebíčková M. The lexical approach to personality description in the Czech context // *Ceskoslovenská Psychologie*. 2007. Vol. 51. P. 50–61.

Katigbak M.S., Church A.T., Guanzone-Lapeña M.A., Carlota A.J., del Pilar G.H. Are indigenous personality dimensions culture specific? Philippine inventories and the five-factor model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82, iss. 1. P. 89–101. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.1.89>

Klages L. *The Science of Character*. London: Allen & Unwin, 1929. 308 p.

Lee K., Ashton M.C. Psychometric properties of the HEXACO personality inventory // *Multivariate Behavioral Research*. 2004. Vol. 39, iss. 2. P. 329–358. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3902_8

Martin T.A., Costa P.T., Oryol V.E., Rukavishnikov A.A., Senin I.G. Applications of the Russian NEO-PI-R // *The Five-Factor Model of Personality Across Cultures* / ed. by R.R. McCrae, J. Allik. Boston, MA: Springer, 2002. P. 261–277. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0763-5_13

McCrae R.R., Terracciano A. Universal features of personality traits from the observer's perspective: data from 50 cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88, iss. 3. P. 547–561. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.3.547>

Saucier G. Factor structure of English-language personality type-nouns // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85, iss. 4. P. 695–708. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.4.695>

Saucier G., Goldberg L.R. Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69, iss. 6. P. 847–879. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696167>

Schmitt D.P., Allik J., McCrae R.R., Benet-Martínez V. The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2007. Vol. 38, iss. 2. P. 173–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>

Semin G.R., Fiedler K. The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54, iss. 4. P. 558–568. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.558>

Shala R.A., De Raad B., Arënlju A. The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy // *International Journal of Personality Psychology*. 2020. Vol. 6. P. 1–11. URL: <https://ijpp.rug.nl/article/view/37224> (accessed: 25.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.21827/ijpp.6.37224>

Shchebetenko S.A., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory–2: Evidence from the Russian version // *Assessment*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Shmelyov A.G., Pokhil'ko V.I. A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names // *European Journal of Personality*. 1993. Vol. 7, iss. 1. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410070102>

Singh J.K., Misra G., De Raad B. Personality structure in the trait lexicon of Hindi, a major language spoken in India // *European Journal of Personality*. 2013. Vol. 27, iss. 6. P. 605–620. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1940>

Thalmayer A.G., Saucier G., Ole-Kotikash L., Payne D. Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 119, iss 5. P. 1132–1152. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000264>

Triandis H.C., Suh E.M. Cultural influences on personality // *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53, iss. 1. P. 133–160. DOI:

<https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135200>

Wiggins J.S. Personality structure // Annual Review of Psychology. 1968. Vol. 19, iss. 1. P. 293–350. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.19.020168.001453>

Yik M.S.M., Bond M.H. Exploring the dimensions of Chinese person perception with indigenous and imported constructs: Creating a culturally balanced scale // International Journal of Psychology. 1993. Vol. 28, iss. 1. P. 75–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207599308246919>

Получена: 17.08.2021. Принята к публикации: 05.11.2021

References

- Allport, G.W., and Odbert, H.S. (1936). Trait-names: A psycho-lexical study. *Psychological monographs*. Princeton: Psychological Review Publications, Vol. 47, no. 1, 171 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0093360>
- Almagor, M., Tellegen, A., and Waller, N. G. (1995). The Big Seven model: A cross-cultural replication and further exploration of the basic dimensions of natural language trait descriptors. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69, iss. 2, pp. 300–307. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.2.300>
- Angleitner, A., Ostendorf, F., and John, O.P. (1990). Towards a taxonomy of personality descriptors in German: a psycho-lexical study. *European Journal of Personality*. Vol. 4, iss. 2, pp. 89–118. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040204>
- Ashton, M.C., and Lee, K. (2001). A theoretical basis for the major dimensions of personality. *European Journal of Personality*. Vol. 15, iss. 5, pp. 327–353. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.417>
- Barelds, D.P., and De Raad, B. (2015). The role of word-categories in trait-taxonomy: evidence from the Dutch personality taxonomy. *International Journal of Personality Psychology*. Vol. 1, no. 1, pp. 15–25.
- Baumgarten, F. (1933). [The character traits]. *Beiträge zur Charakter-und Persönlichkeitsforschung. Heft 1* [Contributions to character and personality research. Book 1]. Bern: A. Francke. 81 p.
- Benet-Martínez, V., and Waller, N.G. (1997). Further evidence for the cross-cultural generality of the Big Seven factor model: Indigenous and imported Spanish personality constructs. *Journal of Personality*. Vol. 65, iss. 3, pp. 567–598. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1997.tb00327.x>
- Bolinger, D. (1980). *The loaded weapon: The use and abuse of language today*. London, New York: Longman Publ., 224 p.
- Brokken, F.B. (1978). *The language of personality (Unpublished doctoral dissertation)*. Groningen: University of Groningen.
- Caprara, G.V., and Perugini, M. (1994). Personality described by adjectives: The generalizability of the Big Five to the Italian lexical context. *European Journal of Personality*. Vol. 8, iss. 5, pp. 357–369. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410080502>
- Cattell, R.B. (1943). The description of personality: Basic traits resolved into clusters. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 38, iss. 4, pp. 476–506. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0054116>
- Cheung, F.M., van de Vijver, F.J. and Leong, F.T. (2011). Toward a new approach to the study of personality in culture. *American Psychologist*. Vol. 66, iss. 7, pp. 593–603. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022389>
- Church, A.T., Katigbak, M.S., and Reyes, J.A.S. (1996). Toward a taxonomy of trait adjectives in Filipino: Comparing personality lexicons across cultures. *European Journal of Personality*. Vol. 10, iss. 1, pp. 3–24. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199603\)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199603)10:1<3::aid-per234>3.0.co;2-m)
- Cramer, A.O., van der Sluis, S., Noordhof, A., Wichers, M. et al. (2012). Dimensions of normal personality as networks in search of equilibrium: You can't like parties if you don't like people. *European Journal of Personality*. Vol. 26, iss. 4, pp. 414–431. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>
- De Raad, B. (1992). The replicability of the Big Five personality dimensions in three word-classes of the Dutch language. *European Journal of Personality*. Vol. 6, iss. 1, pp. 15–29. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410060103>
- De Raad, B. (2000). *The big five personality factors: the psycholexical approach to personality*. Göttingen: Hogrefe and Huber Publ., 128 S.
- De Raad, B., and Barelds, D.P. (2008). A new taxonomy of Dutch personality traits based on a comprehensive and unrestricted list of descriptors. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 94, iss. 2, pp. 347–364. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.2.347>
- De Raad, B., and Hoskens, M. (1990). Personality-descriptive nouns. *European Journal of Personality*. Vol. 4, iss. 2, pp. 131–146. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410040206>
- De Raad, B., and Mlačić, B. (2017). The lexical foundation of the Big Five factor model. *The Oxford handbook of the five factor model*. New York: Oxford

University Press, pp. 191–216. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12>

De Raad, B., Barelds, D.P., Levert, E., Ostendorf, F. et al. (2010). Only three factors of personality description are fully replicable across languages: A comparison of 14 trait taxonomies. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98, iss. 1, pp. 160–173. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017184>

De Raad, B., Di Blas, L., and Perugini, M. (1998). Two independently constructed Italian trait taxonomies: Comparisons among Italian and between Italian and Germanic languages. *European Journal of Personality*. Vol. 12, iss. 1, pp. 19–41. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199801/02\)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199801/02)12:1<19::aid-per290>3.3.co;2-y)

De Raad, B., Mulder, E., Kloosterman, K., and Hofstee, W.K. (1988). Personality-descriptive verbs. *European Journal of Personality*. Vol. 2, iss. 2, pp. 81–96. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2410020204>

DeYoung, C.G. (2015). Cybernetic big five theory. *Journal of Research in Personality*. Vol. 56, pp. 33–58. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.07.004>

Di Blas, L., and Forzi, M. (1998). An alternative taxonomic study of personality-descriptive adjectives in the Italian language. *European Journal of Personality*. Vol. 12, iss. 2, pp. 75–101. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-0984\(199803/04\)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-0984(199803/04)12:2<75::aid-per288>3.0.co;2-h)

Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Mitina, O.V. (2019) [Structure of the Russian variant of a six-factor HEXACO personality inventory]. *Voprosy psichologii*. Iss. 5, pp. 33–48.

Eysenck, H.J. (1947). *Dimensions of personality*. New York: Praeger, 308 p.

Fleeson, W., and Jayawickreme, E. (2015). Whole trait theory. *Journal of Research in Personality*. Vol. 56, pp. 82–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2014.10.009>

Goldberg, L.R. (1981). Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*. Beverly Hills: Sage Publ., vol. 2, pp. 141–165.

Goldberg, L.R. (1982). From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality. *Advances in Personality Assessment*. Hillsdale: Erlbaum Publ., vol. 1, pp. 203–234.

Goldberg, L.R. (1990). An alternative «description of personality»: the Big Five factor structure. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59, iss. 6, pp. 1216–1229. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>

Gorbaniuk, O., Czarnecka, E., and Chmurzyńska, M. (2011). Taxonomy of person-descriptive terms in Polish: A psycho-lexical study. *Current Problems of Psychiatry*. Vol. 12, iss. 1, pp. 100–106.

Gorbaniuk, O., Korczak, A., Toruj, N., Czarnejko, A. et al. (2019). Comprehensive psycho-lexical classification of Polish person-descriptive terms. *Current Issues in Personality Psychology*. Vol. 7, iss. 2, pp. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.5114/cipp.2019.82792>

Heine, S.J. and Buchtel, E.E. (2009). Personality: The universal and the culturally specific. *Annual Review of Psychology*. Vol. 60, pp. 369–394. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163655>

Hřebíčková, M. (2007). The lexical approach to personality description in the Czech context. *Ceskoslovenská Psychologie [Czechoslovak Psychology]*. Vol. 51, pp. 50–61.

Hromov, A.B. (2000). *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti: ucheb.-metod. posobie [The Five-Factor Personality Questionnaire: Training Manual]*. Kurgan: Izd-vo KGU. 23 p.

Kalugin, A.Yu., Shchebetenko, S.A., Mishkevich, A.M., Soto, C.J., John, O.P. (2021) [Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory-2]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*. Vol. 18, no. 1, pp. 7–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-7-33>

Katigbak, M.S., Church, A.T., Guanzone-Lapeña, M.A., Carlota, A.J. and del Pilar, G.H. (2002). Are indigenous personality dimensions culture specific? Philippine inventories and the five-factor model. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 82, iss. 1, pp. 89–101. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.82.1.89>

Klages, L. (1929). *The science of character*. London: Allen & Unwin Publ., 308 p.

Knyazev, G.G., Mitrofanova, L.G. and Bocharov, A.V. (2010). [Validation of the Russian version of L. Goldberg's «Big Five Factor Markers» questionnaire]. *Psichologicheskij zhurnal [Journal of Psychology]*. Vol. 31, no. 5, pp. 100–110.

Lee, K. and Ashton, M.C. (2004). Psychometric properties of the HEXACO personality inventory. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 39, iss. 2, pp. 329–358. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327906mbr3902_8

Martin, T.A., Costa, P.T., Oryol, V.E., Rukavishnikov, A.A., Senin, I.G. (2002). Applications of the Russian NEO-PI-R. *The Five-Factor Model of Per-*

sonality Across Cultures. Boston, MA: Springer Publ., pp. 261–277. DOI:

https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0763-5_13

McCrae, R.R. and Terracciano, A. (2005). Universal features of personality traits from the observer's perspective: data from 50 cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 88, iss. 3, pp. 547–561. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.88.3.547>

Osin, E.N., Rasskazova, E.I., Neyaskina, Yu.Yu., Dorfman, L.Ya. and Aleksandrova, L.A. (2015). [Operationalization of the five-factor personality trait model on a Russian sample]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics]. Iss. 3, pp. 80–104.

Pohil'ko, V.I. and Fedotova, E.O. (1984). [The Repertory Grid Technique in Experimental Personality Psychology]. *Voprosy psihologii*. No. 3, pp. 151–157.

Saucier, G. (2003). Factor structure of English-language personality type-nouns. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 85, iss. 4, pp. 695–708. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.4.695>

Saucier, G. and Goldberg, L.R. (2001). Lexical studies of indigenous personality factors: Premises, products, and prospects. *Journal of Personality*. Vol. 69, iss. 6, pp. 847–879. DOI:

<https://doi.org/10.1111/1467-6494.696167>

Schmitt, D.P., Allik, J., McCrae, R.R. and Benet-Martínez, V. (2007). The geographic distribution of Big Five personality traits: Patterns and profiles of human self-description across 56 nations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38, iss. 2, pp. 173–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022106297299>

Semin, G.R. and Fiedler, K. (1988). The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 54, iss. 4, pp. 558–568. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.4.558>

Shala, R.A., De Raad, B. and Arënliu, A. (2020). The structure of Albanian personality descriptive trait-adjectives: A psycho-lexically based taxonomy. *International Journal of Personality Psychology*. Vol. 6, pp. 1–11. Available at: <https://ijpp.rug.nl/article/view/37224> (accessed 25.07.2021). DOI: <https://doi.org/10.21827/ijpp.6.37224>

Shchebetenko, S.A., Kalugin, A.Y., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O. (2020). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory–2: Evidence from the Russian

version. *Assessment*. Vol. 27, iss. 3, pp. 472–486.

DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Shmelev, A.G. and Pohil'ko, V.I. (1985). [Experimental approach to constructing a basic semantic dictionary of personality traits]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya* [Herald of Moscow University. Series 14. Psychology]. No. 14, pp. 3–10.

Shmelev, A.G., Pohil'ko, V.I. and Kozlovskaya-Tel'nova, A.Yu. (1991). [Representativeness of Personality Traits in the Mind of a Russian Language Speaker]. *Psihologicheskij zhurnal* [Journal of Psychology]. Vol. 12, iss. 2, pp. 27–41.

Shmelyov, A.G. and Pokhil'ko, V.I. (1993). A taxonomy-oriented study of Russian personality-trait names. *European Journal of Personality*. Vol. 7, iss. 1, pp. 1–17. DOI:

<https://doi.org/10.1002/per.2410070102>

Singh, J.K., Misra, G. and De Raad, B. (2013). Personality structure in the trait lexicon of Hindi, a major language spoken in India. *European Journal of Personality*. Vol. 27, iss. 6, pp. 605–620. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1940>

Thalmayer, A.G., Saucier, G., Ole-Kotikash, L. and Payne, D. (2020). Personality structure in east and west Africa: Lexical studies of personality in Maa and Supyire-Senufo. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 119, iss. 5, pp. 1132–1152. DOI: <https://doi.org/10.1037/pspp0000264>

Triandis, H.C. and Suh, E.M. (2002). Cultural influences on personality. *Annual Review of Psychology*. Vol. 53, iss. 1, pp. 133–160. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135200>

Wiggins, J.S. (1968). Personality structure. *Annual Review of Psychology*. Vol. 19, iss. 1, pp. 293–350. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.19.020168.001453>

Yik, M.S.M. and Bond, M.H. (1993). Exploring the dimensions of Chinese person perception with indigenous and imported constructs: Creating a culturally balanced scale. *International Journal of Psychology*. Vol. 28, iss. 1, pp. 75–95. DOI: <https://doi.org/10.1080/00207599308246919>

Received: 17.08.2021. Accepted: 05.11.2021

Об авторах

Мишкевич Арина Михайловна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: ArinaMishkevich@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6666-3454>
ResearcherID: Z-3500-2019

Щебетенко Сергей Александрович

доктор психологических наук, доцент,
профессор департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: sshchebetenko@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>
ResearcherID: N-2935-2013

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
департамента психологии

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Arina M. Mishkevich

Candidate of Psychology,
Senior Researcher of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: ArinaMishkevich@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6666-3454>
ResearcherID: Z-3500-2019

Sergei A. Shchebetenko

Doctor of Psychology, Docent,
Professor of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: sshchebetenko@hse.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>
ResearcherID: N-2935-2013

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Docent,
Senior Researcher of the School of Psychology

HSE University,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю. К вопросу об организации психолексического исследования русской таксономии черт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 613–627. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627

For citation:

Mishkevich A.M., Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu. [On the organization of a psycho-lexical study of the Russian personality trait taxonomy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 613–627 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-613-627